

ЭТО было в 1942 году. Наш театр — Театр музыкальной комедии — не был эвакуирован и продолжал работу в блокированном городе. Единственный на весь Ленинград, он всегда был переполнен. Спектакли проходили с успехом, но в коллективе постепенно росло чувство неудовлетворенности. Переживания принца Раджами и Одетты Даримонд, Бонни и Мариэтты никогда не казались нам слишком глубокими, а теперь они просто поражали своей несерьезностью. Мы понимали, что необходим современный советский спектакль. Но где взять пьесу? Большинство наших авторов разъехалось, а потребность в новой пьесе росла день ото дня.

Мы решили обратиться к писателям, которые группировались вокруг политуправления Балтийского флота и возглавлялись Всеволодом Вишневским. Это была так называемая «оперативная группа писателей политуправления КБФ».

Мы приехали к Всеволоду Витальевичу домой без предупреждения. Нельзя сказать, чтобы он удивился. Услышав нашу просьбу написать текст новой оперетты о Ленинграде, он просто растерялся и начал в достаточно деликатной форме объяснять, что мы попали не по тому адресу.

— Я совершенно непригоден к выполнению этой очень почетной, но для меня совершенно невыполнимой задачи, — уверял он. Но, очевидно, поняв, что не добившись согласия, мы не тронемся с места, Вишневский неожиданно сказал: — Хорошо, я могу попробовать, но я человек военный и дисциплинированный. Обратитесь в политуправление и Военный совет, послушаем, что там скажут.

В то время в Ленинграде не было штатских, все были военными. И нам показалось, что гостеприимный хозяин просто нашел удобную отговорку.

— Я позвоню в театр, — сказал, прощаясь, Вишневский, — как только что-либо выяснится в политуправлении.

Ушли мы с полной уверенностью в провале нашей миссии, но в Военный совет все-таки поехали и там сразу же получили согласие.

О дальнейших событиях сам Вс. Вишневский рассказывал так: «Меня вызвали в Военный совет Балтийского флота и сказали, что надо дать боевой спектакль. Спрашивают, в какой срок можно это сделать. Я говорю, что раньше я писал долго. Мне говорят: «Две недельки возьмите». Я подумал и сказал: «Есть!»

Несколько дней Вишневский в театр не звонил, и каково же было наше удивление, когда он приехал на один из спектаклей (это было его первое посещение нашего театра), и приехал не один, а с В. Азаровым и А. Кроном.

Так началась наша совместная работа над будущим спектаклем. Вишневский, Азаров и Крон прежде всего пересмотрели весь текущий репертуар и познакомились с актерами. Затем я был приглашен к Вишневскому, и он рассказал мне план пьесы. Рассказал так, как это умел делать только он один: с колоссальным темпераментом, потрясающей убежденностью и заразительностью. Здесь же были намечены сроки и создана постановочная бригада.

Авторы распределили между собой — что писать. Одновременно было принято предложение выпускать стенную газету, которая освещала бы ход работы над пьесой и «подстегивала нерадивых и лодырей». (Эта остроумная и веселая газета регулярно выходила на протяжении всей работы авторов над пьесой).

Для написания музыки были привлечены почти все жившие в то время в Ленинграде композиторы — Н. Минх, В. Витлин, Н. Круц.

К 60-летию со дня рождения
Вс. Вишневского

ПИСАТЕЛЬ И ТЕАТР

Мы начали репетировать сразу же, как только получили от авторов первый акт. Два остальных были еще в работе. 18 сентября 1942 года вместе с полным экземпляром пьесы я получил на бланке «Оперативная группа писателей» записку, характерную для атмосферы, в которой создавались пьеса и спектакль:

«Привет.. Уфф! Перепечатка и первый тур поправок, доделок закончен. Абсолютно нет времени править, сверять. В тексте есть опечатки, грубые ошибки машинистки. Просим вас с карандашом в руке до сдачи в перепечатку прочесть текст. Запишите свои замечания к понедельнику (21-го) сент. Жму руку. Вс. Вишневский».

Таков был темп. Нам обязательно хотелось сыграть премьеру в день празднования 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, а времени оставалось очень мало. Однако обычной предпремьерной суетни не было. Никому никого не пришлось подгонять. Все были заряжены хорошим внутренним рабочим ритмом.

Своей задачей авторы считали создание веселой, жизнерадостной пьесы, правдиво отражающей события, происходившие в то время в Ленинграде, реалистическое воссоздание характеров людей, творящих победу. Они хорошо изучили актеров и писали свою пьесу для них и на них.

В основе пьесы «Раскинулось море широко» лежит история об экипаже катера «Орленок», о балтийских моряках, их героическом подвиге, о том, как изменяется под влиянием обстоятельств и среды характер человека. Вишневский всерьез «формировал» экипаж катера «Орленок», как это сделал бы рачительный и умный командир перед выходом в бой, где его ждут большие испытания.

Обычно, присутствуя на репетиции, Вс. Вишневский не делал замечаний, а после ее окончания обдумывал все виденное и присылал свои соображения в письменном виде. Некоторые из этих листов с замечаниями автора у меня сохранились.

Вот что он писал о развитии характера Чижова. «В финале сильнее, оптимистичнее вести линию Чижова. Да, он в чем-то грешен, но вовремя выправился, и он — герой раскрытия целой вражеской организации. Люди к нему подходят, благодарят, не «подбадривая» его, а ценя его, восхищаясь даже им, в частности Миша (Чекрыгин), который прохлопал врага. У Миши ощущение виноватости, а у Чижова ощущение бодрости, гибкости и силы своего ума. Чижов должен подбодрить молодого Мишу и серьезно-шутливо сказать ему: «Учись у стариков. сынок, как разматывают таких тварей, только не читай мне стихов» (то есть к финалу вести все на мажор)».

Серьезное внимание обращал Вишневский на правду поведения актера на сцене, на то, чтобы мысль, сквозное действие спектакля ничем не затуманивались, не затемнялись, чтобы ничто не отвлекало зрителя от главного.

«Неплохо идет у Свицерского его песенка об Одессе, но после лирико-политического обращения в зал к растерзанной Одессе абсолютно нельзя делать дальше веселенький легкомысленный танец. Прошу режиссуру и балетмейстера конюшку одесского номера перестроить в героико-патетическом плане».

«Считаю, — пишет Вишневский в другом письме, — что совершенно не сделана сцена на катере, которая должна быть четко разработана и породить лейтмотив старой флотской песни «Раскинулось море широко».

Многочисленные замечания и соображения высказывает автор и по актерскому исполнению, всюду стремясь к максимальной правде взаимоотношений между действующими лицами.

Но главное внимание Вишневский обращал на политическое звучание спектакля. И здесь он был предельно требователен.

И еще одно замечание Всеволода Витальевича, характеризующее его отношение к нашей общей работе:

«Монтировки технические и световые прошу вести, не шадя никаких сил. Считаю, что последняя пятнадцатка должна быть непрерывной и ударной. Завтра после репетиции сделаю группе политический Октябрьский доклад».

Так в содружестве с автором и создавался этот спектакль. Всеволод Вишневский требовал от искусства театра правды, острого политического звучания, не допускал фальши. Он всячески остерегал нас от оглушения образов врагов. И враги в спектакле не были дураками, но от этого они не становились менее смешными. Смех в спектакле рождался не от отдельных реплик и реприз, а из той ситуации, в которую попадали действующие лица, от различных острот, неожиданных и стремительных поворотов, по-новому раскрывавших заданные характеры.

Ни на одном спектакле нашего театра в зрительном зале так не смеялись. Ни на одном из спектаклей так не возбудились и не переживали за судьбу Елены, балтийских моряков, героически обороняющих родной город.

О спектакле «Раскинулось море широко» много писали. Я хочу привести лишь фразу из рецензии балтийского моряка-журналиста: «Хочется пожать руки и им и всему творческому коллективу театра, на сцене которого словно пронесся порыв свежего балтийского ветра».

Этой оценки мы добились благодаря тесному содружеству писателей с театром, взаимной заинтересованности в одном большом деле.

Н. ЯНЕТ,
народный артист РСФСР